

МЫ МОЖЕМ БЫТЬ ПОСТ-ЧЕМ-УГОДНО

Грег Джонсон¹

Прежде всего, я хочу сказать, что обсуждение темы постсекулярного в научном сообществе проходит в позитивном ключе: тема поддерживается интересными вопросами, стимулирует продуктивные исследования, оттачивает методологические позиции с самых разных сторон. Обсуждение данного вопроса повлекло за собой мощную волну переосмысления нашего интеллектуального, политического и религиозного наследия, что является сутью качественной науки. Тем не менее, как и в случае с постмодернизмом (1980-е и 1990-е годы в США и чуть раньше или позже в остальном мире — в зависимости от скорости географического распространения идей Фуко и Дерриды), полемика часто становится слишком захватывающей: проблема превращается в мета-тему, главную тему анализа, из которой выпадают исследования собственно религии. Мне кажется, что многие религиоведы (*scholars of religion*) посвящают слишком много времени переосмыслению того, что такое «политическое», «онтологическое» и т.д. Но, пренебрегая сферой наших профессиональных компетенций — изучением, чтоб ее, религии, мы рискуем стать второсортными политологами или же второсортными философами.

Таким образом, я считаю, что это хорошее поле для дискуссий, но слишком разросшееся, и потому нам следует вернуться к нашей узкопрофессиональной деятельности: исследованию религии. Отчасти мое недовольство является реакцией на мнения, что, во-первых, данная дискуссия ценна сама по себе и что данный исторический период (период развития государства, религий, теории) совершенно уникален и, следовательно, заслуживает кардинальной реорганизации религиоведения. Конечно, времена изменились, и религия сегодня более «видима», нежели в совсем недавнем прошлом (по крайней мере, в определенных сферах общественной жизни). Тем не менее, условия ее существования, ее риторика и социальное влияние сегодня в целом согласуются с теми, которые уже существовали в течение долгого времени. Другими словами, если обратиться к медицинской метафоре, пациенту не нужны новые лекарства. Может быть, нужно «усовершенствованное» лекарство (подразумевающее акцент на генеалогии, исключение эссенциалистских притязаний и т.д.), но не абсолютно новый подход (например, в котором мы отказываемся от понятия «религия» или от сравнения религиозных традиций). Мне более импонирует подход, рассматривающий современность как продолжение уже существующих социальных условий (что относится и к религии)². Это не означает, что я отрицаю радикальные перемены, связанные с религиозными войнами, приватизацией религии, колониализмом, государственным контролем ре-

¹ В подготовке интервью к публикации приняли участие Роман Сафронов, Татьяна Малевич и Ксения Колкунова.

² См., например: Sahlins M. *Cosmologies of capitalism: The trans-pacific sector of “the world system”* // *Culture, power, history: A reader in contemporary social theory* / Ed. by Dirks N. B., Eley G. H. — New-York: Princeton University Press, 1994. — P. 412-456.

лигиозной жизни и т.д. Напротив, я настаиваю, что религиоведам все еще есть, чем заняться, и эта работа аналогична по своему характеру изучению библейских текстов, древней индо-европейской традиции, мифологии африканских племен... Мы можем быть пост-чем-угодно, но мы не пост-релевантны в качестве религиоведов. Мне не кажется, что религиоведение постигнет кризис самоидентификации, который основная масса «пост»-литературы, по-видимому, пытается спровоцировать и разжечь¹.

Сегодня часто можно слышать, что мы живем в постсекулярном мире. Согласны ли Вы с таким положением?

Понятие «постсекулярное», конечно же, существует в академическом лексиконе. Можно сказать, что мы — исследователи — живем в постсекулярном мире. В повседневной жизни люди в разной степени связаны с религией, но очень часто больше, чем это было еще в недавнем прошлом. Мы называем это постсекулярным, они называют это культурным времяпрепровождением. Скажем, для коренного населения Соединенных Штатов, если мы остаемся сугубо в правовом контексте, сегодня — время постсекуляризма, поскольку они могут заявлять о своих религиозных правах и подавать иски в суд, что было немыслимо еще 30-50 лет назад. В любом случае, независимо от того, «больше» или «меньше» сейчас религии в социальном контексте, люди более открыто проявляют свою религиозность. Если говорить словами Брюса Линкольна (*Bruce Lincoln*), теория секуляризации была неверна, и сегодня многие группы требуют свободы саморепрезентации даже в рамках западного демократического общества — саморепрезентации, максималистской по своему характеру (т.е. настаивают на необходимости проникновения религиозных представлений, предпочтений и практик во все сферы жизни, в том числе, и в первую очередь, в публичное пространство).

Каковы, как Вам кажется, были основания секуляризации в Европе? Можно ли сказать, что причины секуляризации повсюду одинаковы?

Относительно Европы я солидарен с книгой Брюса Линкольна «Священный террор» (*Holy Terrors*)². Совсем недавно интересные идеи по этому поводу высказала Саба Махмуд (*Saba Mahmood*), и мне бы хотелось ознакомиться с ее дальнейшими соображениями. Что касается второй части вопроса: однозначные выводы теоретиков показывают нам, что «секуляризм», как и все социальные образования, имеет определенное историческое происхождение. Описанные тренды создают основания для сравнения — как эмпирического, так и теоретического, однако не нужно упускать из виду и локальный уровень. Здесь еще предстоит много работы по выявлению того, какие именно факторы (включая локально религиозные) повлияли на возникновение секулярных идеалов, практик и ограничений в разных точках мира. Кроме того, что тогда можно сказать

¹ Об этих проблемах в связи с «культурой» и старой доброй историей религий см.: Johnson G. Finding culture in history, western style: Why Jews, Indians, Catholics, and Mormons are still good to think [<http://relwest.blogspot.com/p/johnson-finding-culture-in-history.html>].

² Lincoln B. Holy terrors: Thinking about religion after September 11. — Chicago: The University of Chicago Press, 2006.

о религии, если «секуляризм» и «религия» являются взаимозависимыми переменными, которые едва ли можно разделить аналитическими средствами (иногда утверждают, что секуляризм, по крайней мере в Европе и Америке, в основе своей несет религиозные черты, связанные в первую очередь с его этической составляющей или отсутствием таковой)?

Какой смысл Вы вкладываете в термин «секулярное»? Какие современные работы о секуляризации показались Вам наиболее перспективными?

Нужно сказать, что и в этом случае налицо конфликт между правовым, аналитическим и повседневным употреблением термина, приводящими к вариациям в его значениях: от «не религиозного» до «в целом почти религиозного, хоть и скрытого, но всегда готового выплеснуться на поверхность». Попросту говоря, сегодня этот термин не может употребляться как самоочевидный. В общем, я ссылаюсь здесь на Брюса Линкольна и считаю, например, воспроизводящие минимализм социальные образования «секулярными» в широком смысле слова (т.е. как проявление различного рода факторов, служащих для религии проводником в частную сферу).